

Пионеры-
герои

Ю. НЕЧАЕВ

**Ваня
АНДРИАНОВ**

Ваня проснулся от ощущения тяжёлой, давящей тишины. Весь вечер и всю ночь где-то совсем недалеко за селом Ново-Михайловское, не переставая ни на минуту, гремели выстрелы и взрывы, а на рассвете внезапно стало тихо.

Сквозь ситцевые занавески на окне проби-
вался свет серой осенней зари. В углу под по-
черневшей от времени иконой мерцал огонёк
лампадки. Перед иконой, беззвучно шевеля гу-
бами, стояла бабушка.

«Опять молится. Сколько ни говорил ей, что
бога нет, ничего не помогает», — подумал Ваня.
Откинув цветастое лоскутное одеяло, он спрыг-
нул с печки и всунул ноги в старые, обшитые ко-
жей, валенки. Подошёл к окну и отдёрнул зана-
веску. Далеко, до самой реки Протвы, легло по-
ле с почерневшими от дождей плетями карто-

фельной ботвы и измятой полоской неубранной ржи. В стороне чёрной громадой высился лес.

Стоял октябрь 1941 года.

Бабушка, наконец, заметила внука. Перестала молиться. Усадила Ваню за стол, пододвинула кружку с молоком, миску с картошкой и луком. Но поесть так и не пришлось: внезапно гнетущую тишину разорвали несколько длинных автоматных очередей.

— Немцы! — всплеснула руками бабушка и поспешила занавесить окно.

Испуганно умолк за печкой сверчок.

Ваня осторожно пробрался снова к окну и в щель между подоконником и краешком занавески разглядел разбитую танковыми гусеницами и подводами дорогу, по которой медленно ехал кавалерийский отряд. Впереди на сытом, вороном коне гарцевал офицер в шлеме и короткой серой шинели. Брюхо коня и шинель фашиста были забрызганы грязью, зато сапоги ослепительно блестели, как будто их только начистили.

Ещё только вчера по этой же самой дороге

на телегах провезли за Протву раненых бойцов. А потом, когда уже начало темнеть, по улице села прошли усталые красноармейцы, неся на плечах пулемёты.

— Уходите! Как же вы уходите?! — крикнула им вслед бабушка.

И тогда один, с серым, словно от зубной боли перекошенным лицом, обернувшись, коротко ответил:

— Вернёмся!

«Конечно, наши вернутся,— думал Ваня,— как же может быть иначе?»

Он быстро сунул кусок ржаного клейкого хлеба в карман старенького пальто и тихонько, чтобы не увидела бабушка, шмыгнул на улицу. Сначала решил пробраться к школе.

Фашисты уже хозяйничали вовсю.

Из окон школы они выбрасывали учебники, вытаскивали парты и тут же, прямо во дворе, рубили их на дрова. В опустевшие классы солдаты заводили лошадей.

Ваня хотел подойти к школе поближе, но долговязый солдат в рогатой каске остановил его:

— Малшик топ-топ школа?—спросил он, медленно выговаривая каждое слово, и вдруг с размаху ударил Ваню кулаком по лицу так, что из носа пошла кровь.

Фашисты вокруг засмеялись. Громче всех гоготал офицер в блестящих лакированных сапогах.

«Смейтесь, смейтесь,—Ваня до боли закусил губу,— всё равно не заплачу».

Делать около школы было нечего, и Ваня, прижимая к разбитому носу платок, отправился на другой конец села. Там, в условленном месте за огородами, он встретился с Сенькой.

Сенька был старше Вани, выше его, но дружили они на равных. От него Ваня узнал, что несколько часов назад фашистские солдаты избили учительницу, которая пыталась не пустить их в школу.

Ребята стояли растерянные, не зная, что же им делать.

В селе с каждым днём становилось всё тревожней.

Как-то в дом к Андриановым прибежала испуганная соседка и, часто оглядываясь на дверь, шёпотом сообщила:

— Колхозное грабят. Разграбят — по домам шастать начнут, — шептала она. — Прячь Андриановна еду да вещи, пока не поздно.

В тот же самый вечер Ваня с матерью и бабушкой всё, что можно было, схоронили в сарае.

Вскоре фашисты действительно отправились грабить по домам. Скот и птицу они забрали раньше, теперь требовали у колхозников хлеб, картошку, оставшиеся запасы мяса и яиц. Забирали и тёплую одежду — наступали холода.

Все прибывающие в село отряды размещались в избах колхозников. Появились незваные гости и в доме Андриановых. Целых одиннадцать солдат. И привёл их тот самый офицер в лакированных сапогах. Только теперь он был в заячем треухе — шлем, как видно, не спасал его от холода.

— О-о, школьник! — протянул он, узнав Ваню, и приказал ему идти чистить для солдат картошку.

Но на кухню Ваня не пошёл. Незаметно прошмыгнув мимо часового, дремавшего на крыльце, он побежал к Сенькиному дому.

— Сюда иди! — позвал из сарая знакомый голос.

— Сенька, ты чего здесь делаешь? — удивился Ваня.

— А это видел? — в руке у Сеньки блеснул новенький пистолет.

— У немцев стащил?

— Нашёл. В поле, около кургана. Там и пистолеты, и винтовки валяются. Да и патроны к ним подобрать можно. Надо туда пойти и собрать всё, а то фашисты соберут. Я сразу об этом подумал, когда ещё мне Витька Иванов рассказал, как у него солдаты ружьё отобрали. Пришли, значит, в избу, видят — на стене ружьё висит. Один, в очках, как закричит: «Партизан!» Сорвал со стены ружьё и на Витьку наставил. А тому смешно, ружьё-то детское, пробками

стреляет. Его из Москвы ещё до войны мать в подарок привезла. Очкарик сослепу, видно, не разобрал, в чём дело, вот и перепугался...

— А давай всё это оружие отнесём в лес партизанам,— предложил Ваня.

— Только, чур, будем действовать осторожно, как настоящие разведчики, — заключил Сенька.

Теперь каждый день, незаметно улизнув из дома, ребята надолго уходили в поле, собирали брошенное оружие, а потом зарывали его на глухой опушке леса.

Но фашисты тоже не дремали. Сбором оружия у них занимались специальные команды.

Выбираться из села в поле стало рискованно.

Тогда у ребят созрел другой план: они решили таскать по ночам оружие у спящих немцев. В каждой избе жило по десять-двенадцать солдат и, когда они спали, унести винтовку, гранаты было не так уж трудно. Тем более, что Ване с Сенькой теперь помогали почти все деревенские мальчишки.

Фашисты обнаруживали пропажу, но поймать никого не могли. И от этого свирепели ещё больше.

В оконце кухоньки ударился мелкий камешек. Условный знак! Ваня быстро поднялся с постели и, тихонько отворив дверь, выскочил на улицу.

Сенька был взволнован. Он сбивчиво рассказал, что один из мальчишек чуть было не попался сегодня ночью, хотел автоматный диск стащить, а его, как оказалось, немец к ремню привязал... Хорошо, что парень сообразил и успел убежать из дома, а то фашист в два счета пристрелил бы его.

— А у нас немцы нынче тоже привязанные спать легли,— хмуро сказал Ваня.— Видно, команда им такая вышла...

— Поздно спохватились,— ухмыльнулся Сенька,— мы столько оружия набрали, что на целый отряд теперь хватит. Вот только не слышно ничего про партизан.

О партизанах действительно пока не было слышно.

Но партизанский отряд в Боровском районе Калужской области уже существовал, и его командир Николай Иванович Рачков, бывший председатель райисполкома, и комиссар Игорь Константинович Подольский, секретарь райкома партии, готовились к решительным действиям против врага.

В эти ноябрьские дни фашисты рвались к Москве.

Немецкие агитаторы, полицаи ходили по селу и повторяли рассказы о том, что 7 ноября Гитлер непременно въедет в Москву на белом коне.

Почерневшие от горя и слёз беженцы-погорельцы приносили в село страшные вести: неподалёку от Ново-Михайловского в деревне Ивановское Савьяновского сельсовета гитлеровцы согнали в свинарник триста колхозников и военнопленных, облили постройку бензином, а потом подожгли. Сгорела и вся деревня.

Седьмого ноября 1941 года Ваня и Семён достали из дупла старой ветлы свои пионерские галстуки и поклялись мстить врагу.

— Не появятся партизаны, сами в лес уйдём и воевать будем,— сказал тогда Сенька.

— Верно говоришь! — поддержал его Ваня. Но партизаны появились. Это стало заметно по тому, как забеспокоились фашисты: несколько дней подряд они рыскали по домам, кого-то искали.

Скоро новые слухи поползли по селу. Говорили, что в канун 24-й годовщины Октября на железной дороге между станциями Ворсино и Башкино партизаны подорвали большой эшелон с боеприпасами.

На стене дома, где раньше помещался сельсовет, появился приказ коменданта Боровска Савина, капитана фашистской армии, сына бывшего помещика села Серединское. В приказе говорилось, что за связь с партизанами, за хранение оружия виновные будут приговорены к расстрелу. Запрещалось хождение из одного

села в другое без особого разрешения немецких властей...

— Ишь ты,—усмехнулся Сенька, прочитав приказ,—запугать хотят. Ну, ничего. Нас-то не расстреляют. Мы всё равно убежим.

На следующий день Сенька вызвал Ваню на улицу. По его виду Ваня сразу понял, что произошло что-то необычное.

— Появились, — прошептал таинственно Сенька, настороженно озираясь по сторонам.

— Кто появился? — не понял Ваня.

— Они появились, партизаны. Сам видел. Даже говорил с одним. Принеси, говорит, картошки, а если найдёшь, и хлеба. Всё это в условное место положить велел.

— Значит, продукты собирать надо?

— Конечно, надо. Может, они там в лесу с голоду умирают.

Началась настоящая боевая жизнь! Выйдут ребята на крутой берег Протвы, вроде бы на лыжах покататься, а сами—в лес. Смотрят—нет в тайнике продуктов, взяли их партизаны, значит, новые надо готовить.

Как ни ждал Ваня встречи с партизанами, произошла она совсем неожиданно.

Однажды, как обычно, принесли ребята в лес продукты. И вдруг из-за деревьев вышел крестьянин. Самый обыкновенный. Ребята даже испугались от неожиданности, думали полицаи, бежать хотели.

— Михайловские? — спросил незнакомец.

— Михайловские, — ответил Сенька.

— Спасибо вам, ребята, за харчи. Выручили. Как-нибудь к себе в гости позовём.

— Когда? — обрадовался Ваня.

— Сейчас, брат, война, а не мирное время. Это в мирное время говорят когда да где. А на войне где придётся встретиться, там и милости просим, — партизан хитро подмигнул ребятам, пожал руки и уверенно прибавил: — В гостях у нас будете скоро, помяните моё слово! А пока помогайте, как помогали...

Через несколько дней встреча повторилась. Теперь партизан было трое. А среди них уже знакомый ребятам крестьянин. Поздоровались

с Ваней и Сенькой за руку, как со взрослыми, и повели их в глубь леса.

Снег лежал ещё неглубокий, идти по лесу было легко. Пушистые снежные комья падали с вековых елей на плечи, холод забирался за воротник телогрейки, но Ване было весело. Он, наверное, запел, если б можно было...

Сенька шёл рядом, сосредоточенно и деловито поскрипывая лыжными палками, но и у него в глазах прыгали весёлые чёртики.

— Здорово! — шепнул Ваня товарищу.

— Ещё бы, — ответил тот и ещё быстрее заскользил по лыжне.

К партизанскому лагерю вышли неожиданно. Миновали чащу, овраг, мелколесье и вдруг попали на большую, окружённую со всех сторон могучими соснами поляну. С краю на ней был виден вход в тщательно замаскированный блиндаж. Около него — несколько партизан.

Ребят сразу же окружили. Стали расспрашивать о жизни в Ново-Михайловском, о том, как ведут себя немцы, прибывает ли к ним пополнение.

Ребята отвечали охотно.

— А мы ведь не только продукты вам собирали, но и оружие. Хотите, место покажем, где оно спрятано?

— Спасибо, хлопцы. Нам пока своего хватает, а нужно будет — обязательно к вам обратимся. А теперь слушайте внимательно. Ходить в лес вам пока не следует. Давайте договоримся так. Знаете старую, разбитую молнией ветлу у самой развилки дорог?

— Знаем,—сказал Ваня,—это же совсем рядом с нашим домом.

— Ну, вот и хорошо. Вы кладите в дупло записки, а наши связные будут их переправлять в отряд. Только смотрите, чтобы никто вас не выследил, а то и себя погубите, и наших людей.

— Знаем,—обиделся Сенька,—не маленькие.

— Пишите обо всём, что в селе происходит. Появились новые солдаты или полицаи — дайте нам весточку. Пришли машины — сосчитайте сколько их, постарайтесь узнать, зачем приехали и куда направляются.

— А про то, что строят, тоже вам сообщать нужно? — спросил Ваня.

— Строят? — переспросил партизан. — Что же они там строят?

— Да вроде окопы долбят, а потом брёвна-ми закладывают.

— За этим особенно следите.

Но недолго ходили ребята к дуплу старой ветлы. Через полторы недели они обнаружили, что «почту» никто не вынимает. Прошёл день, другой, третий... Всё оставалось по-старому. Ваня несколько раз бегал в лес, надеясь там встретить кого-нибудь из партизан, но всё напрасно. Было ясно — отряд ушёл из их леса.

Случайно подслушав разговор полицаев, ребята узнали, что бывший работник лесхоза Лысенко выдал фашистам место стоянки партизанского отряда. Но партизаны вовремя узнали о предательстве и сменили свою базу.

Выходить на улицу стало опасно. Фашисты хватали всех подряд, особенно молодёжь, и

угоняли в Германию. Сельчане прятались по землянкам да по погребам.

Но опасность не страшила ребят. Они думали лишь об одном: «Как связаться с партизанами? Как сообщить им о том, что удалось узнать за последние дни?»

Фронт накатывался всё ближе и ближе.

По ночам на самом краю неба стали видны кровавые сполохи.

Всё отчётливей слышался гул дальнобойных орудий.

А однажды Ваня увидел самолёты. Они летели высоко-высоко, но с земли всё-таки были видны звёзды на крыльях.

«Ну, теперь наши скоро придут»,— подумал с радостью Ваня...

Как-то утром в дом Андриановых явился тот самый офицер, который осенью щеголял в лакированных сапогах.

Теперь на нём вместо сапог были большие, не по размеру, валенки.

«Стянул с кого-нибудь,— нахмурился Ваня,— ну, подожди, за всё рассчитаемся».

— Твой дом — край, ты нитшего не ест знай,— сказал офицер Ваниной матери и, глубже спрятав голову в воротник шинели, направился к сараям. По его команде солдаты начали выпиливать в стене сарая маленькие окошечки и устанавливать в них пулемёты. Ваня внимательно следил за работой. Вот установили пять, шесть, семь... Когда работа была закончена, Ваня насчитал целых четырнадцать пулемётов.

«Что же задумали фашисты? Зачем установили они здесь четырнадцать пулемётов? «Твой дом — край»,— сказал немец. Выходит, наши будут наступать со стороны Протвы, и фашисты готовятся встретить наших пулемётным огнём». Ване стало страшно от этой мысли.

До самой темноты он, прячась в огородах, наблюдал, как фашисты укрепляли берег реки — прорывали глубокие траншеи, закладывали в проходах мины.

На следующий день работы возобновились.

Ваня и Сенька продолжали наблюдать.

У соседнего дома тоже установили пулемёты и даже одну пушку.

Около разрушенной церкви в землю вкопали танк.

На огородах поставили четыре миномёта, прикрыв их маскировочными сетями.

Всё постарались запомнить ребята. Но кому нужны теперь эти сведения, если связи с партизанами нет, а к своим не проберёшься: кругом часовые, засады.

«Что же делать?»

До позднего вечера Ваня со своим другом сидели на крыльце, не зная, что предпринять.

— Может быть, утром высмотрим, где к нашим перебежать лучше? — предложил Ваня.

— Я уже пробовал. Никак не прорваться. Чуть что, сразу стреляют.

Ночь прошла тревожно. Тяжёлые мысли не давали покоя. «Неужели не пустят фашисты наших в село, неужели положат всех на косогоре у самого их дома? Нет. Надо предупредить своих о засаде. Но как?»

Наступило 28 декабря 1941 года.

Не знали ребята, что именно в этот день, бойцы 12 стрелкового полка получили приказ переправиться по льду через Протву и выбить фашистов из села Ново-Михайловское.

— Выходим к Михайловскому, — предупредил бойцов командир разведки и прибавил шагу.

Отсюда, с опушки леса, он увидел и узнал село, которое оставлял два месяца назад.

Впереди лежало заминированное поле, а дальше, на возвышенности, отчётливо виднелись крыши крайних домов.

Командир остановился, поднёс к глазам бинокль: движения в селе заметно не было.

«Может, удрали гады? Надо проверить...» И, увлекая за собой бойцов, он стремительно бросился с холма по узкой полоске земли, которую этой ночью для них, разведчиков, разминировали сапёры.

Вот и крайний дом села. Вспомнилась старушка, кричащая вслед отступающим солдатам,

мальчонка, по-взрослому строго провожающий их взглядом. «Обещал вернуться — вот и вернулся», — подумал командир.

И вдруг, вздымая фонтанчики снега, впереди ударили пулемёты.

Они били как раз из той крайней избы.

Один за другим падали на снег насмерть сражённые разведчики.

Упал и командир, не добежал до дома всего нескольких метров.

Ваня смотрел в окно. Крепко, до боли, сжимали руки холодный подоконник, по лицу струились слёзы.

Решение пришло мгновенно. Натянув на ходу телогрейку и не обращая внимания на крик матери, мальчик рывком распахнул дверь и стремглав бросился вниз, под гору, к чернеющему за рекой лесу. По глубокому снегу бежать тяжело. Ноги по колени увязают в сугробах. Хорошо, что ещё под гору бежать приходится. Но что это? Сзади затрещали очереди. Сначала начал бить один пулемёт, к нему присоединился второй, затем третий...

«Фью-ю! Фью-ю!» — свистел в ушах ветер. А может быть, это и не ветер вовсе? Может быть, это свистят пули? Звенят вокруг, как шмели, задевать стараются.

Упал Ваня, в снег зарылся. Передохнул немного, лизнул снега, чтобы не так пить хотелось. А лес вот он, ещё немного осталось. А там наши, свои! Обидно будет, если убьют.

Мальчик прислушался.

Стрельба постепенно утихла. «Немцы, наверное, решили, что я убит», — подумал Ваня, и страх прошёл.

Ваня вскочил, кинулся к обрыву, скатился вниз к берегу Протвы. Его подхватили наши солдаты, а он вырывался и кричал:

— Не ходите туда! Не ходите! Там орудия, миномёты, много пулемётов...

— Не спеши, — оборвал Ваню командир. — Говори толком, что знаешь. Да смотри, брат, не сочиняй. У нас не военная игра — война...

— Понимаю. Потому и бежал. Засаду немцы возле нашего дома устроили. Не пройдёте там. Всех убьют, как тех разведчиков.

— Другой путь знаешь, чтобы неожиданно в село нагрянуть?..

— Знаю. Только сейчас не пройти. Нужно ночью.

— Что же, подождём ночи,— сказал капитан.— Как зовут-то тебя?

— Ваней Андриановым.

— Ну вот что, Ваня. Пойдем-ка в землянку, обогреемся. Там и о ночном походе поговорим.

Как только стемнело, Ваня провёл бойцов в обход немецких укреплений, через овраги, огородами.

Разом по огневым точкам врага ударили автоматчики, забросали фашистов гранатами.

Гитлеровцы не ожидали удара с тыла. Не успели опомниться, как были окружены.

Когда бойцы прочесали село и взяли оставшихся немцев в плен, из своих убежищ вышли колхозники.

Ваня бросился домой: узнать, живы ли мама, бабушка. Смотрит — на огороде убитый офи-

цер валяется, а из ранца у него лакированный сапог торчит.

«Что, отвоевался? — сказал про себя Ваня.— И Гитлер так же отвоюется. Не бывать ему в Москве...»

А потом все жители села собрались у школы. Построились и бойцы.

Встал перед строем командир, подозвал к себе Ваню и сказал громко, чтобы все слышали: — Вот, кто ускорил нашу победу, товарищи. Если бы не этот мальчик, много бы наших бойцов полегло в этом бою.

Тут Ваня осмелился и выпалил:

— Не я один старался. Вон Сенька, мой дружок, и остальные ребята. Мы всё время нашим помогали, партизанам...

Через несколько дней вызвали Ваню в штаб армии к генералу Ефремову. Командующий вручил Ване Андрианову орден Красной Звезды.

— Раста смелым и храбрым,— сказал генерал Ефремов.— А теперь пойдём сфотографируемся на память,

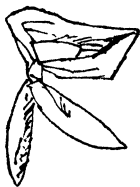

Вместе с бойцами на Запад ушёл и Ваня.

Много военных дорог прошёл пионер с 12-м стрелковым полком, помогая освобождать свою Родину от немецких захватчиков.

После войны Ваня окончил Военно-Морское училище, потом служил в авиачастях Черноморского флота, работал электриком-испытателем на одном из заводов в Москве.

Теперь Иван Фёдорович Андрианов живёт в городе Егорьевске.

**СТРАНИЧКИ
ДЛЯ
КРАСНЫХ
СЛЕДОПЫТОВ**

Имя юного героя навечно занесено в Книгу почёта Московской областной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Для записи новых сведений

Для записи новых сведений

Для записи новых сведений

